

УДК 347.42

DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-165-168

Проблема определения критериев добросовестности одностороннего отказа от обязательства

Идрисов Т.Р.Аспирант кафедры гражданского права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность темы обоснована результатом анализа судебных дел, вызванных односторонним отказом от обязательства. Целью исследования является уточнение критериев добросовестности в действующем гражданском праве РФ, рассматриваемых в качестве ключевого механизма эффективного разрешения юридических споров, возникающих в результате отказа от договора. Задачи: выделить основные подходы к определению критериев добросовестности, существующие в отечественной цивилистике; выявить противоречия в содержании указанных подходов и предложить пути их разрешения; определить критерии добросовестности, направленные непосредственно на разрешение гражданско-правовых споров в связи с односторонним отказом от обязательства. Практическая значимость публикации обусловлена возможностью конкретного применения критериев добросовестности в судебной практике при разрешении споров между сторонами договора. Итогом проведенного исследования является вывод об обязательном рассмотрении критериев добросовестности в практике разрешения судебных споров. Отсутствие четких нормативных ориентиров в этом вопросе является препятствием для эффективного разрешения конфликта, возникающего в связи с односторонним отказом от обязательства. Новизна исследования основана на выделении критериев добросовестности, обладающих правовой нормативностью и применимых в судебной практике.

Ключевые слова: договорное обязательство, принцип и критерии добросовестности, односторонний отказ от договора

Для цитирования: Идрисов Т.Р. Проблема определения критериев добросовестности одностороннего отказа от обязательства // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 165–168. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-165-168.

Одним из базовых принципов исполнения гражданско-правового обязательства в действующем праве является принцип реального исполнения договора. В соответствии с ним предписывается безусловная необходимость выполнить обязательство в натуре, т.е. исполнить именно то действие, которое выступает в качестве предмета договорного обязательства. Безусловность указанного принципа усиливается тем, что данное обязательство сохраняется даже в случае уплаты неустойки недобросовестной стороной. Освобождение от исполнения обязатель-

ства возможно только в случае, если таковое допускается законом или предусмотрено условиями самого договора [1]. Наиболее явно принцип реального исполнения договора представлен в содержании ст. 505 ГК РФ, согласно которой ни возмещение убытков, ни уплата неустойки не освобождают продавца от исполнения обязательства в натуре [1].

Тем не менее судебная практика указала на необходимость допущения исключений даже в подобном основополагающем принципе. Результатом этой практики стало принятие 24.03.2016 г. Пленумом

Верховного Суда РФ Постановления № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств». В нем, в частности, уточняется смысл п. 1 ст. 308.3 ГК РФ. Позиция Верховного Суда РФ в данном случае исходит из того, что исполнение договорного обязательства будет невозможным, если сам предмет, подлежащий передаче должником кредиторю, оказался уничтожен (состояние «гибели индивидуально-определенной вещи»). Подобное освобождение от исполнения договора также может вступить в силу, если таковое противоречит правомерному акту государственной власти или органа местного самоуправления [2].

Еще одним условием исключения из реализации принципа реального исполнения договора выступает невозможность кредитора требовать в судебном порядке исполнения в натуре обязательства, «исполнение которого настолько связано с личностью должника, что его принудительное исполнение будет нарушать принцип уважения чести и достоинства гражданина» [2]. Данная ситуация рассматривается в указанном Постановлении на примере невозможности исполнения некоего музыкального произведения на концерте.

Таким образом, в судебной практике возникают противоречия в трактовке принципа реального исполнения договора. С одной стороны, он требует неукоснительного соблюдения, с другой – допускает определенные исключения. По сути в данном случае сталкиваются между собой юридическая природа гражданского обязательства и принципы его исполнения и отказ от исполнения договора. При этом с точки зрения защиты законного права контрагентов, обе позиции одинаково важны. Требование неукоснительного соблюдения гражданско-правового обязательства остается главным гарантом обеспечения выполнения обязанностей должником, неким стандартом исходного страхования для кредитора. В свою очередь, односторонний отказ от исполнения договорного условия также может выступать в качестве вынужденного механизма защиты законных интересов кредитора. Однако в другом, внешне схожем, случае подобный односторонний отказ может оказаться умышленным нарушением прав контрагента.

В связи с этим наиболее значимым и сложным аспектом проблемы остается необходимость разделения правомерного и неправомерного отказа от исполнения обязательства. Иначе говоря, вопрос сводится к определению критериев добросовестности одностороннего отказа от обязательства, исследованию обстоятельств, легализующих поведение контрагента, для которого данный отказ оказался юридически оправданным и наиболее эффективным выходом из сложившейся ситуации.

Определение точных критериев само по себе усложняется, так как осуществлять его приходится

в условиях изменения содержания современного гражданского права, понимания его базовых принципов. Между тем подходы к понятию добросовестности имеют достаточно давние традиции. К.П. Бергер и Т. Арнц указывают, что время его формирования в правовой мысли следует относить еще к содержанию римского права [3, с. 240]. При этом проблема последующего правоприменения данного понятия возникает в связи с самой его природой. К.П. Бергер и Т. Арнц отмечают невозможность выработки целостного унифицированного подхода к понятию добросовестности, так как оно выступает прежде всего в качестве этического-морального стандарта. Формы проявления и применения такого стандарта весьма разнообразны в связи с условиями различных право порядков. Поэтому практическое содержание указанного морального стандарта должно рассматриваться в каждом конкретном случае отдельно [3, с. 240].

Однако даже в подобной форме применение моральных стандартов в юридической практике невозможно в силу, прежде всего, их темпорального характера, допускающего перманентные изменения в содержании под влиянием социального развития. Поэтому дальнейшее формирование гражданско-правовой мысли требовало применения более определенного, нормативного подхода к поставленной проблеме.

Одной из первых таких попыток стало исследование И.Б. Новицкого 1916 г. «Принцип доброй совести в проекте обязательственного права». В ней он оттолкнулся от прежнего морально-этического содержания принципа добросовестности, основываясь на позиции известнейших философов права Л.И. Петражицкого и Р. Штаммлера, провозглашавших юридическое понимание доброй совести как некое воплощение принципа любви и социального идеала [4, с. 131]. Следующее из этого определение И.Б. Новицкого по сути содержит ряд ключевых, по мнению автора, критериев: «сообразование собственного интереса с чужими, установление известных границ для проявления эгоизма, признание интересов общества» [4, с. 132].

Указанное выше расхождение между абстрактным пониманием этики и юридической нормативностью сохранилось и в современном дискурсе по проблеме. Достаточно широко, например, трактуется принцип добросовестности А.М. Ширвиндт, определяя его как некий ориентир на включение в содержание договорных отношений объективных элементов социального порядка [5, с. 241]. Более близкой к нормативному пониманию представляется позиция К.В. Нама, исходящая из особой роли добросовестности в обеспечении правоприменения другого важнейшего юридического принципа справедливости. Нормативность в данном случае выражается в том, что понимание справедливости в свою очередь не должно зависеть от субъективной пози-

ции судей, а определяться «законом, правом и общепринятыми в обществе и поддерживаемыми правом ценностями» [6, с. 37].

Сохраняющуюся проблему определения критериев добросовестности отмечает А.Я. Рыженков, объясняя ее спорностью оценок в силу большого числа частных случаев, а также субъектов, принимающих решения по конкретным делам [7, с. 70]. Разумным выходом из сложившейся ситуации он видит применение нормативного подхода, основанного на официальном толковании судебных и административных органов. Только эти толкования способны предоставить суду действительно четкие критерии, облегчающие последующее принятие решений по делу [7, с. 70].

Позиция А.Я. Рыженкова представляется наиболее аргументированной и рациональной. Поэтому в определении критериев добросовестности отечественная цивилистика все больше основывается именно на нормах действующего гражданского законодательства. Принцип добросовестности получил в нем относительно недавнее воплощение – только в конце 2012 г., когда соответствующие изменения были внесены Федеральным законом от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [8] (в действовавшем ранее Гражданском кодексе 1964 г. присутствовало лишь указание на добросовестного приобретателя и добросовестного владельца [9, с. 74]).

В исследовании В.И. Емельянова, например, проводится анализ содержания ст.ст. 157, 220, 303, 1109 ГК РФ, в которых раскрывается понимание противоположного явления – недобросовестности участников гражданских правоотношений. Опираясь на данные статьи закона, автор называет основанием определения добросовестности лица отсутствие умысла, легкомыслия и небрежности при причинении вреда [9, с. 75].

А.Я. Рыженков добавляет к данному перечню более ориентированные на содержание договорного права критерии, к числу которых он относит «отсутствие излишних обременений для одной из сторон договора, наличие баланса интересов сторон, а также соответствие устоявшимся деловым обыкновениям» [7, с. 70]. Указанные критерии могут быть отнесены и к ситуации добросовестного отказа от обязательства.

К.В. Нам не указывает прямого перечня критериев добросовестности, выделяя в первую очередь функции этого принципа. В их числе он называет функцию принципа добросовестности как генеральной оговорки, а также конкретизирующую, дополняющую, ограничительную, корректирующую функции [10]. Однако анализ указанных функций дает возможность определить интересующие нас критерии добросовестности, действующие в отношении одностороннего отказа от обязательства.

Такowymi, по нашему мнению, следует считать:

– отсутствие извлечения преимущества из ситуации одностороннего отказа от обязательства;

– учет прав и законных интересов другой стороны договора, оказание мер, необходимых для реализации предусмотренного договором обязательства, предоставление бывшему партнеру полной информации в условиях возникшей ситуации одностороннего отказа от обязательства [1];

– соблюдение дополнительных обязанностей, даже если они не были оговорены условиями договора или содержанием действующего законодательства;

– частичное исполнение договорного обязательства или незначительное нарушение сроков должником в случае несущественности неисполненной части и отсутствии факта нарушения прав и интересов кредитора;

– отказ от обязательства при расторжении договора, если произошло «существенное изменение обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора» [1];

– отказ от договорного обязательства, «когда в силу определенных обстоятельств исполнение для должника становится неприемлемым» [10, с. 40].

Достаточно категорично оценивают ситуацию одностороннего отказа от обязательства Л.А. Чеговадзе и Т.В. Дерюгина, обуславливая добросовестность поведения контрагентов исключительно исполнением договорного обязательства и недопустимостью отступления от принципа «равное за равное» [11, с. 65]. В подобном понимании соблюдение указанного принципа выступает в качестве единственного критерия добросовестности.

Таким образом, рассматривая односторонний отказ от исполнения обязательства в контексте критериев его добросовестности, можно отметить прямую взаимосвязь такого юридического действия с принципами исполнения гражданско-правовых обязательств. Обращение к принципу добросовестности возможно в случае, если факт отказа от договора формально подпадает под нормативное регулирование, но его применение будет иметь очевидно несправедливый характер. Главным критерием добросовестности в подобной правовой ситуации будет оставаться стремление к соблюдению принципов исполнения обязательств, важнейшими из которых являются надлежащее исполнение обязательства, недопустимость отказа от обязательства и реальное исполнение договорного обязательства. При этом практические ситуации, естественно, обладают своими отличительными особенностями. Однако с позиции соблюдения духа и буквы закона прежде всего требуется подтверждение фактов, свидетельствующих о наличии указанного выше стремления. В противном случае отказ от обязательства может оцениваться как злоупотребление правом и недобросовестное поведение.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32 (ч. 1). Ст. 396.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (ред. от 22.06.2021) // СПС Консультант Плюс.
3. Бергер К.П., Арнц Т. Принцип добросовестности в английском коммерческом праве. Обзор актуальной английской судебной практики // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 234–269.
4. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 124–181.
5. Ширвиндт А.М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение // *Aequum ius*. Сборник статей. М.: Статут, 2014. С. 203–242.
6. Нам К.В. Принцип добросовестности. Основы теории и правоприменения в контексте немецкого правового опыта: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2021. 45 с.
7. Рыженков А.Я. Принцип добросовестности в обновленном гражданском законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 3. С. 68–71.
8. Федеральный закон от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1).
9. Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М.: «Лекс-Книга», 2002. 160 с.
10. Нам К.В. Принцип добросовестности. Система и бессистемность // Вестник гражданского права. 2019. № 1. С. 32–42.
11. Чеговадзе Л.А., Дерюгина Т.В. Правовая природа платы за односторонний отказ от исполнения обязательства // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 9. С. 57–65.

The Problem of Determining the Criteria of Good Faith of Unilateral Repudiation of an Obligation

Idrisov T.R.

Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of the topic is justified by the practice of court cases caused by unilateral repudiation of the obligation. The complexity of the current stage of economic development has further exacerbated this problem. The purpose of the study is to clarify the criteria of good faith in the current civil law of the Russian Federation, considered as a key mechanism for effective resolution of legal disputes arising from the repudiation of a contract. Objectives: to identify the main approaches to determining the criteria of good faith, existing in domestic civilistic; to identify contradictions in the content of these approaches and propose ways to resolve them; to determine the criteria of good faith, aimed directly at resolving civil law disputes in connection with unilateral repudiation of the obligation. The practical significance of the publication is due to the possibility of normative application of good faith criteria in judicial practice when resolving disputes between parties to a contract. The outcome of the study is the conclusion that the criteria of good faith must be considered in the practice of resolving court disputes. The lack of clear normative guidance on this issue is an obstacle to the effective resolution of a conflict arising from a unilateral repudiation of an obligation. The novelty of the study is based on the identification of criteria of good faith that have legal normativity and are applicable in judicial practice.

Key words: contractual obligation, principle and criteria of good faith, unilateral withdrawal from the contract

